

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ: PRO ET CONTRA

*Личность и идейное наследие
Н. Я. Данилевского в оценках отечественных
мыслителей и исследователей*

Антология

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2024

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
С. А. Гончаров, А. А. Грякалов, В. А. Гуторов,
А. А. Ермичёв, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, И. Н. Сухих,
В. Ф. Фёдоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор серии

Д. К. Богатырев

Составители

И. И. Докучаев, А. Я. Кожурин

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда № 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского*

**Н. Я. Данилевский: pro et contra, антология / сост., коммент.
И. И. Докучаев, А. Я. Кожурин, вступ. статья А. Я. Кожу-
рин. — СПб.: РХГА, 2024. — 960 с. — (Русский Путь).**

ISBN 978-5-907855-81-6

Антология посвящена рецепции в отечественной культуре идейного наследия Николая Яковлевича Данилевского — выдающегося русского философа, социолога, публициста, геополитика и естествоиспытателя. Н. Я. Данилевский по праву считается одним из основателей цивилизационного подхода к истории и идеологии панславизма. В книге рассмотрен широкий круг идей ученого, особое внимание уделено актуальности полемики, посвященной эволюционизму, дарвинизму и теории культурно-исторических типов. В исторических материалах и статьях современных исследователей дан широкий спектр взглядов на идеи и роль Н. Я. Данилевского в истории раннего евразийства, славянофильства и создании русской историософии.

Книга адресована всем интересующимся историей отечественной философии и культуры в целом, а также широкому кругу читателей.

© И. И. Докучаев, составление, коммен-
тарии, заключение, 2024

© А. Я. Кожурин, составление, коммен-
тарии, вступ. статья, 2024

© АНО ВО «РХГА», 2024

© «Русский Путь», название серии,
1993, 2024

ISBN 978-5-907855-81-6

А. Я. КОЖУРИН

СИНТЕЗ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Как установили новейшие исследования, автор «России и Европы» и родился 4(16) декабря 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии. Впрочем, местом рождения Н. Я. Данилевского может быть и соседнее село Остров^{*}. Его отцом был Яков Иванович Данилевский (1789–1855) — гусарский офицер, участник Отечественной войны 1812 года, матерью — Дарья Ивановна (в девичестве — Мишина). В детстве Н. Я. Данилевскому пришлось немало постранствовать, так как полк его отца регулярно менял места своей дислокации. Наконец, в 1837 году произошло знаменательное событие — будущий мыслитель был принят в Царскосельский лицей. Он учился на XII курсе знаменитого учебного заведения — I, как известно, был пушкинский курс.

В Царском Селе Данилевский познакомился с братьями Семеновыми — Николаем Петровичем (ему будет посвящен «Дарвинизм») и Петром Петровичем (в будущем — знаменитым путешественником, исследователем Тянь-Шаня). Эта дружба длилась почти полвека. Н. Я. Данилевский не остановился на образовании, полученном им в Царскосельском лицее, где он считался одним из наиболее талантливых и разносторонних учеников, а продолжил его в Санкт-Петербургском университете. Хотя лицейское образование приравнивалось к университетскому курсу, но оно имело гуманитарно-юридический уклон, что не устраива-

^{*} Журавель А. В. «Дело...о дворянстве рода Данилевских»: даты рождения и тайны происхождения // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. С. 311. До этого, со слов Н. Н. Страхова, в качестве даты рождения Н. Я. Данилевского называли 28 ноября (10 декабря).

ло выпускника. Кроме того, молодого человека не привлекала чиновничья карьера.

Главным предметом интересов Данилевского было естествознание, он стал вольнослушателем естественного факультета столичного университета (1843–1848). Среди студентов будущий мыслитель пользовался высоким авторитетом, что отмечал еще один его друг — Н. Н. Страхов*. Обучение в университете было вполне успешным — в 1847 году Данилевский получил степень кандидата, а в 1849 представил диссертацию на степень магистра ботаники. Материал для написания магистерской диссертации он собирал в Орловской губернии.

В университетский период Н. Я. Данилевского поджидали и серьезные искушения — из человека консервативного склада, искренно религиозного, он превратился в радикала, поклонника учения Шарля Фурье. Именно в этом качестве он привлек внимание властей дум того времени — В. Г. Белинского и В. Н. Майкова, которые читали его статьи в «Отечественных записках». Кстати, данные статьи писались Данилевским не только из научно-популярных соображений или желания прославиться, но и из соображений материального характера. Его семья была не богата, и он вынужден был сам заботиться о своем содержании. Отсюда — выход на журналистские круги столицы.

Через знакомство с оппозиционными журналистами, Н. Я. Данилевский был вовлечен в знаменитый кружок М. В. Петрашевского — кстати, бывшего лицеиста. Среди участников этого кружка были М. Е. Салтыков (Щедрин) и Л. А. Мей, лицейские товарищи Н. Я. Данилевского (ученики XI и XIII курсов, соответственно), а также Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, А. Н. и В. Н. Майковы, Д. В. Григорович, Н. А. Спешнев, В. А. Милютин. Н. Я. Данилевский выступал в кружке Петрашевского в качестве главного эксперта по социалистическим доктринам. Особенно привлекало участников кружка его изложение учения Ш. Фурье. Это учение интерпретировалось им как социально-экономическое, а не как политическое. Данное обстоятельство необходимо учитывать, ибо для власти России того времени наибольшей опасностью представлялись заговоры

* Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Н. Данилевского // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; Изд-во «Глаголь», 1995. С. XXII. Далее «Россия и Европа» будет приводиться — Данилевский с указанием страницы.

политических радикалов, но не абстрактные, как тогда казалось, социалистические теории.

В 1848–1849 годах европейские страны оказались охвачены целой серией революцией. Николай I ответил на это закручиванием гаек в России. Ужесточалась цензура, было ограничено пребывание подданных Российской империи за ее пределами. В ночь на 23 апреля 1849 года основная группа петрашевцев была арестована и заключена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Всего по этому делу было привлечено к следствию около 100 человек. Одним из них стал Н. Я. Данилевский — несмотря на то, что он перестал посещать «пятницы» Петрашевского еще весной предыдущего года.

Стодневное пребывание в Петропавловской крепости, где арестант читал Библию и французский перевод «Дон Кихота», имело своим следствием его возвращение к религиозным и консервативным установкам. То, что Н. Я. Данилевский прервал знакомство с членами кружка фактически за год до его разгрома, не могло не повлиять на членов следственной комиссии. Другим обстоятельством, расположившим руководителей следствия, особенно генерала Я. И. Ростовцева (кстати, бывшего участника декабристских организаций), к молодому интеллектуалу, было его поведение. Н. Я. Данилевский вел себя в высшей степени достойно — никого не выдал, не старался переложить собственную вину на других. Он не отпирался от своих симпатий к учению Ш. Фурье, но истолковывал последнее как антитезу популярным в оппозиционной среде учениям политического радикализма. Членам следственной комиссии Н. Я. Данилевский прочитал настоящий курс лекций по учению французского социалиста.

Как вспоминал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, «впоследствии Ростовцев говорил в шутку, что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами. Данилевский был оправдан судной комиссией, но, по докладе государю, в котором комиссия отозвалась с похвалой об уме и разносторонней образованности Данилевского, государь выразился, что чем умнее и образованнее человек, тем он может быть опаснее, а потому положил резолюцию об административной ссылке Данилевского в Вологду»^{*}.

Н. Я. Данилевский был сослан в Вологду, а в 1852 году последовал перевод в Самару. Ссылка продолжалась с 1849 по 1853 год, а административный надзор — до 1856. Как и многие образован-

^{*} Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / Сост. Б. Ф. Егоров. Л.: Лениздат, 1984. С. 93.

ные «смутьяны» (вспомним А. И. Герцена или М. Е. Салтыкова-Щедрина) Н. Я. Данилевский стал служащим канцелярии местных губернаторов. В 1850 году он женился. Его избранницей стала Вера Николаевна Беклемишева, вдова генерал-майора. Их объяснение произошло за два дня до ареста Н. Я. Данилевского, но Веру Николаевну не испугали сложившиеся обстоятельства. Она приехала к любимому в Вологду, где и произошло венчание. Счастье, однако, продолжалось недолго — через год Вера Николаевна заболела холерой и умерла. Для Н. Я. Данилевского это стало тяжелейшим ударом.

Из состояния отчаяния его вывела лишь напряженная работа: Н. Я. Данилевский усиленно занимается в эти годы статистикой и проблемами климата Вологодской губернии (в 1851–1853 годах по этим темам в различных периодических изданиях им было опубликовано несколько статей). В 1853 году закончился срок ссылки — Н. Я. Данилевский вернулся в столицу. Здесь он был приглашен академиком Карлом Эрнстом фон Бэром (1792–1876) в состав участников научной экспедиции на Черное и Каспийское моря. Знаменитый ученый и его экспедиция должны были изучить рыбные богатства России. Руководителем экспедиции был назначен К. фон Бэр, его помощниками стали А. Шульц и Н. Я. Данилевский. Обязанности между ними были распределены следующим образом: Бэр отвечал за естественно-исторические, Шульц — за технические, а Данилевский — за статистические аспекты данной работы.

В ходе экспедиции был сделан вывод об упадке промысла, который явился следствием архаического способа ведения хозяйства и нещадного истребления рыбы, а также предложены меры к исправлению сложившейся ситуации. Одной экспедиции оказалось недостаточно — последовало еще несколько, причем тремя последними руководил сам Н. Я. Данилевский. Помимо пиетета к великому К. фон Бэру, Н. Я. Данилевский руководствовался и патриотическими, и чисто научными соображениями. В дальнейшем исследователь совершал поездки на Кубань, Азовское море, в Крым, Чудское озеро и т. д. В 1857 году с целью исследования рыболовства он был командирован на Белое море и Ледовитый океан. Н. Я. Данилевский также посетил Норвегию. Значителен его личный вклад в эталонную работу «Исследование о состоянии рыболовства в России» (девять томов).

Помимо вклада в изучение природных богатств Империи, в этих экспедициях внимание Н. Я. Данилевского привлекли и этнографические аспекты. Его перу принадлежали исследова-

ния этнографически-экономического («Краткий очерк Уральского рыбного хозяйства», 1858), этнографически-исторического («О пути мадьяр с Урала на Лебедию», 1883) и даже антропометрического характера (перевод статьи К. фон Бэра «Известия о собрании черепов разных народов в Санкт-Петербургской Академии наук», 1859).

В 1861 году Н. Я. Данилевский женится на Ольге Александровне Межаковой. В этом браке родилось пятеро детей. В 1864 году семейство Данилевских приобрело Мшатку — бывшее имение графа Кушелева-Безбородко, находившееся в запущенном состоянии (оно пострадало во время Крымской войны). С 1867 года Данилевские постоянно проживали в Мшатке, хотя глава семьи по долгу службы часто вынуждался покидать обжитое место. Делал он это с явной неохотой и не случайно, что преждевременная смерть застала Н. Я. Данилевского в командировке. В Крыму у него гостили Н. Н. Страхов и И. С. Аксаков, а в 1885 году побывал Л. Н. Толстой. В промежутках между поездками Н. Я. Данилевский находило время для написания своих фундаментальных трудов.

1860-е годы — время «Великих реформ», споров между консерваторами и радикалами. В первой половине десятилетия оформляется ряд идейных направлений. Одним из них стало почвенничество, к которому, наряду с А. А. Григорьевым, Ф. М. Достоевским и Н. Н. Страховым, причисляют Н. Я. Данилевского. Данное направление, по мысли его представителей, должно было снять противоположность между славянофильством и западничеством*. Во второй половине 1860-х годов Н. Я. Данилевский подготовил и опубликовал знаменитую «Россию и Европу». Ее первоначальный вариант увидел свет в журнале «Заря», который с января 1869 по февраль 1872 года издавал В. В. Кашпирев. Журнальный вариант знаменитого труда

* Тема «Н. Я. Данилевский и славянофильство» регулярно ставилась исследователями. Приведем мнение одного из наследников по прямой славянофильства. Речь идет о Д. А. Хомякове, который так характеризовал идейное наследие автора «России и Европы»: «Блестящий естествовед, он захотел перенести приемы своей науки в область ей чуждую и причинил этим так называемому славянофильству, к которому его не без оснований причисляли, скорее вред, чем пользу» (Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / Сост., вступ. ст., прим, именной словарь А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011 С. 152). О концепции Н. Я. Данилевского в контексте неославянофильства (или почвенничества) см. настоящее издание (С.).

увидел свет в 1869 году. Через два года вышло отдельное издание «России и Европы», которая после смерти автора, усилиями Н. Н. Страхова, переиздавалась в 1888, 1889 и 1895 годах.

В 1879 году Н. Я. Данилевский приступил к написанию книги, посвященной критическому анализу дарвиновской теории эволюции*. Свою концепцию русский исследователь определил как «естественное богословие», что отсылает нас к целой традиции в рамках европейского естествознания. К сожалению, смерть не дала Н. Я. Данилевскому завершить эту работу, но и то, что он успел написать, впечатляет. Посмертно изданные тома «Дарвинизма» насчитывают около полутора тысяч страниц, которые содержат развернутую аргументацию против основных положений эволюционной теории. Любопытно, что ни при выходе в свет, ни позднее книга Н. Я. Данилевского не удостоилась сколько-нибудь внятного анализа. Впрочем, споры вокруг нее кипели на рубеже 1880–1890-х годов.

За свою служебную деятельность Н. Я. Данилевский был в 1884 году произведен в чин тайного советника (по «Табели о рангах» — 3-й класс, соответствовал армейскому генерал-лейтенанту или флотскому вице-адмиралу). Любопытно, что свою карьеру на государственной службе он начал как чиновник канцелярии Военного министерства (1843–1847), совмещая ее с учебой в Санкт-Петербургском университете, но главные успехи на этом поприще были связаны с Министерством государственных имуществ, где в последние годы жизни он был членом совета министра.

Как мы уже говорили, смерть застала Николая Яковлевича Данилевского далеко от дома. Это произошло 7 ноября (19 ноября — по новому стилю) 1885 года в Грузии, где он обследовал озеро Гокчай. Поездка на озеро Гокчай была предпринята для исследования рыболовства, продолжившего многолетнюю де-

* В. В. Розанов в статье «Теория Чарльза Дарвина, объясняемая из личности ее автора» (1896) писал, что создатель теории эволюции «принадлежит к числу немногих в истории умов, которые печать своего мышления успели наложить на целую эпоху. Он не только сообщил новое и неожиданное движение наукам, которым специально посвятил себя, но методом этих наук, им открытым, заразил и другие отдаленнейшие отрасли знания, которых никогда не касался прямо — историю, этику, эстетику» (Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 25. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 33). Автор «Дарвинизма» не побоялся бросить вызов наиболее влиятельной установке своего времени, понимая, что популярности это ему не принесет.

тельность Данилевского на данном поприще. Тело мыслителя доставили в Мшатку и похоронили, как он завещал, в его собственном имении, на площадке, огражденной кипарисами («кипарисовый зал»). На его смерть замечательным стихотворением откликнулся А. А. Фет:

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Отдаваясь мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.
Постигая, что мир только право живущим хорош.
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал*.

* * *

Н. Я. Данилевского можно смело назвать энциклопедистом — в его творчестве пересеклось множество тем. Это — социальная философия и философия истории, геополитика и экономика, богословие и меры по борьбе с нигилизмом, различные отрасли естествознания и практические проблемы сельского хозяйства. Сразу заметим, что во вступительной статье мы не будем подробно излагать его идеи. Представленные в антологии тексты сделают это несравненно лучше. Нас будут интересовать теоретические основания проекта, предложенного автором «России и Европы» и «Дарвинизма», те базовые начала, которые фундируют социально-философские и естественнонаучные воззрения Н. Я. Данилевского. Кроме того, мы попытаемся выявить их культурно-исторический контекст.

В статье «Литературная личность Н. Н. Страхова» (1890) В. В. Розанов писал: «Н. Я. Данилевский разработал две громадные идеи, из которых одна положительная по содержанию, другая — отрицательная. Мы разумеем его теорию культурно-исторических типов, развитую в книге “Россия и Европа”,

* Фет А. А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1986. С. 319.

и критику дарвинизма, изложенную в двух томах неоконченного сочинения, которое носит название этой теории»^{*}. Позволим себе немного дополнить эту блестящую характеристику. Нам представляется, что творчество Н. Я. Данилевского являет собой ярчайший пример синтеза естественнонаучного и культурно-исторического подходов к изучению мира. Данный аспект его идейного наследия мы и будем рассматривать.

Для начала совершим экскурс в духовную ситуацию XIX столетия, который позволит понять те проблемы, которые стояли перед нашим мыслителем. На рубеже XVIII–XIX веков европейская цивилизация переживает грандиозные изменения. В сфере экономики — это промышленный переворот, начавшийся в Англии и перекинувшийся оттуда в страны континентальной Европы и Северную Америку. В политической реальности — это Великая французская буржуазная революция, универсализировавшая принципы либерально-демократического устройства и способствовавшая эмансипации личности. В традиционном обществе одна личность признавала другую лишь через идентификацию ее с определенной социальной ролью. Французская революция сделала возможным отделение личности от ее социальной роли и признание ее как таковой. Наконец, в рамках культуры речь идет о сломе риторической традиции, господствовавшей, практически безраздельно, со времен Аристотеля, то есть более двух тысячелетий.

Важным элементом выстраивания новой культуры становится принцип историзма. Существенную роль в его утверждении сыграли романтики и представители немецкого классического идеализма. Роль немецких идеалистов (Фихте, Шеллинга и Гегеля) в ходе развития установок историзма достаточно хорошо исследована. Кроме того, необходимо иметь в виду, что они так или иначе были вовлечены в романтическое движение, особенно это касается Шеллинга — одного из видных участников йенского кружка. Поэтому имеет смысл более подробно рассмотреть идейные построения романтиков.

Романтическим построениям в области философии истории и философии культуры предшествовали опыты Гердера. Именно от него романтики заимствовали идею качественного различия национальных культур. Будучи последовательно проведенной (например, у Шпенглера), данная идея вела к выводу о взаим-

^{*} Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 209–210.

ной непроницаемости культур, релятивизму. Уклоняясь от этого пути, романтики обращаются к религиозным основаниям жизни и культуры. Отсюда — постановка проблемы соотношения отдельных национальных культур и общечеловеческой культуры как надысторического целого, которую мы обнаруживаем в произведениях Ф. Шлегеля, Шеллинга и других представителей романтического движения.

Сознание романтиков было исторически ориентировано, они и придали историзму важнейший статус в европейской культуре. При этом надо иметь в виду и историзм в общем смысле, и историческое понимание отдельных сфер человеческой деятельности — искусства, литературы (вспомним труды и лекции А.В. и Ф. Шлегелей, Шеллинга и т. д.). Восприятие истории, характерное для романтизма, заключается в сознании прерывности и необратимости исторического процесса. Каждая ступень последнего — неповторима. Следовательно, необходимо признать индивидуальную неповторимость культур прошлого и их равноправие.

Как указывал А. В. Михайлов, «благодаря романтизму все культурное наследие прошлого в принципе выводится из сферы действия внеисторических схем и переводится в план последовательного исторически-конкретного рассмотрения. <...> Впервые создания искусства прошлого стали рассматриваться в некотором историческом, временном — живом, не формально-хронологическом ряду; история стала живой историей, при этом историей развивающейся, не с простой сменой форм, стилей, но с их внутренним переходом, с многообразием взаимозависящих исторических факторов»^{*}.

Важным элементом интеллектуальной жизни XIX столетия становится бурное развитие социогуманитарного знания, его выстраивание в рамках научных моделей. И здесь сразу же возникает серьезная коллизия — как осуществлять это выстраивание. Возникает серьезный соблазн — не изобретать велосипед, а взять за основу точные и естественные науки. Подобной точки зрения придерживались представители позитивизма — в частности, О. Конт (его проект «социальной физики»). Но тем самым мы закрываем глаза на специфику социогуманитарного познания, которое, в отличие от естественнонаучного, ориентировано на изучение не субъект-объектных отношения, а отношений субъект-субъектных (М. М. Бахтин).

^{*} Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1986. С. 20.

Этой тенденции противостояли В. Дильтей и представители баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Их объединяло стремление придать «наукам о духе» значение, сопоставимое со значением естествознания в эпоху господства позитивистских установок. Сразу следует заметить, что различие «наук о природе» и «наук о духе» было общим местом немецкой философской мысли второй половины XIX — начала XX века, хотя, при определенной близости исходных положений, имелись существенные отличия между рассматриваемыми концепциями.

Так, главным для неокантианцев было проведение различия методов «наук о природе» и «наук о духе». В. Виндельбанд, являвшийся основоположником баденской школы неокантианства, выделял два типа наук — «номотетические» и «идиографические». Первые из них заняты поисками общих законов, которые управляют теми или иными процессами. Вторые фиксируют специфические и неповторимые события, их метод — индивидуализирующее описание. К «номотетическим» относятся науки естественного цикла (физика, химия и т. д.), но также и социология, а «идиографическими» мы можем назвать исторические дисциплины, равно как и дисциплины, изучающие природу в процессе ее развития (геология, исследование развития земных организмов и т. д.). У неокантианцев, таким образом, методы не имеют чисто предметной детерминации, но определяются поворотом исследовательского интереса.

Ученик и последователь В. Виндельбанда — Г. Риккерт, предпочитал говорить не о «науках о духе» (понятие «духа» он считал неразрывно связанным с гегелевской концепцией), но о «науках о культуре». Он несколько модифицировал схему своего учителя. Г. Риккерт различал 1) науки генерализирующие, но не оценивающие (физика, химия); 2) индивидуализирующие, но не оценивающие (геология, эволюционная биология); 3) генерализирующие и оценивающие (социология и экономика); 4) индивидуализирующие и оценивающие (история). Таким образом, неокантианская классификация наук базировалась не на предметном различении их областей, но отмечала поворот исследовательского интереса.

Необходимо отметить еще один аспект неокантианской трактовки культуры. Они, как утверждал В. Виндельбанд, далеко отошли от «туманного космополитического единства» эпохи Просвещения. Неокантианцев следует признать законными детьми XIX столетия, которое характеризовалось «резкой диф-

ференциацией отдельных национальных культур». В этой связи, признавая, что в современном ему мире наблюдаются грубые формы борьбы национальных сил, немецкий мыслитель далек от мысли о необходимости потери частными культурами своего своеобразия. Культуры отдельных народов должны сохранять свой особенный характер — указывал в статье «Философия культуры и трансцендентальный идеализм» (1910) В. Виндельбанд*.

В отличие от методологических построений неокантианцев, в герменевтическом проекте В. Дильтея речь шла о различии предметных областей наук и природе и наук о духе. Первые из них исследуют сферу природы, в то время как вторые — сферу духа. В связи с необходимостью обоснования социогуманитарного знания, В. Дильтей выдвинул проект «критики исторического разума». Данный проект предполагал новые акценты в понимании человека. Человек трактуется В. Дильтеем не только в качестве субъекта познания, но и как волевое существо, обладающее всей полнотой жизненных проявлений. Данное обстоятельство особо отмечается автором в предисловии к его фундаментальному труду «Введению в науки о духе» (1883).

При всем положительном значении интеллектуальных разработок представителей западной гуманитаристики, они имеют один очень важный изъян. Сфера природы полностью выходит из их теоретического кругозора, будучи противопоставлена сфере культуры. Собственно говоря, данную установку мы обнаруживаем уже у Д. Вико, который выстраивал свою «новую науку» в полемике с теоретическими положениями механицизма, который начал доминировать в интеллектуальном пространстве Западной Европы с 1700 года. В дальнейшем противопоставление природы и человеческого общества станет общим местом подавляющего большинства западных концепций. Мы уже затронули неокантианство и герменевтику, но сюда же можно включить феноменологию, экзистенциализм, западный марксизм и другие течения.

Русская философская традиция выстраивалась на принципиально иных основаниях. В стремлении соединить исследование сфер природы и культуры в единое целое сходятся как представители религиозно-идеалистического, так и позитивистско-материалистического направлений. В этом аспекте сходились славянофилы и западники, консерваторы и революционные демократы. Не случайно, что у такого философа-

* Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 16.

идеалиста, как В. С. Соловьев, мы находим идею Матери-Земли, божественного статуса материи. Он же интерпретировал эстетическую концепцию Н. Г. Чернышевского, в рамках которой природе отдавалось предпочтение перед искусством, в качестве «первого шага к положительной эстетике». С другой стороны, мы имеем на русской почве своеобразную версию марксизма, включавшую два раздела — диалектический материализм и исторический материализм. Понимание закономерностей исторического развития базировалось здесь на определенной концепции природной реальности. Диалектический материализм выступал в качестве своеобразной натурфилософии, что было совершенно несвойственно западным версиям марксизма.

В рамках данной тенденции концепция Н. Я. Данилевского занимает исключительно важное место. Следует заметить, что для осуществления данной работы у интересующего нас мыслителя были все предпосылки. Помимо природного таланта — разностороннее образование. Как мы указывали выше, Н. Я. Данилевский окончил Царскосельский лицей, дававший гуманитарное образование университетского уровня, а позднее, в качестве вольнослушателя, естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Естественные и гуманитарные науки, таким образом, были освоены им на высшем уровне.

Серьезное воздействие натуралистических установок на философско-историческую концепцию Н. Я. Данилевского общеизвестно*. Это обстоятельство ставили мыслителю на вид многие его критики. Но, как нам представляется, речь должна идти не о натурализме, но именно о стремлении к синтезу различных видов знания. Начнем с методологических аспектов. В четвертой главе «России и Европы» автор исследует общепринятую схему всемирной истории («древняя, средняя и новая история») на предмет ее соответствия основным требованиям «естественной системы». Под последней понимается система, имеющая объективную природу, которая определяет естественный характер ее возникновения, функционирования и развития. Данные системы, в первую очередь, применимы к сфере биологии.

* Любопытно, что в том же 1869 году, когда увидел свет журнальный вариант «России и Европы», А. И. Стронин опубликовал книгу «История и метод», в которой обосновывал сближение социальных наук и естествознания. Автор «Истории и метода» был последовательным сторонником позитивизма в той версии, которую разработал О. Конт. Впрочем, «Систему позитивной политики», в которой его кумир говорил о необходимости новой религии, А. И. Стронин не принял.

Н. Я. Данилевский формулирует три требования «естественной системы»: «1. Принцип деления должен обнимать собою всю сферу делимого, входя в нее как наисущественнейший признак. 2. Все предметы или явления группы должны иметь между собой большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или предметами, отнесенными к другой группе. 3. Группы должны быть однородны, то есть степень сродства, соединяющая их членов, должна быть одинакова в одноименных группах»^{*}.

Приложение этих критериев к традиционной схеме развития исторического процесса демонстрирует, на взгляд Н. Я. Данилевского, несостоятельность последней. Например, падение Римской империи, которое в западной историографии принято считать границей античности и средневековья, ни в коей мере не может быть отнесено к индийской или китайской истории. Там это событие даже не было замечено. Нечто подобное можно сказать и о других исторических событиях — например, о распространении христианства, которое лично Н. Я. Данилевский считал боговдохновенной религией.

Вместо старой схемы он выдвинул концепцию культурно-исторических типов. Именно культурно-исторический тип — основная реальная и самодовлеющая единица истории. Разумеется, у Н. Я. Данилевского были свои предшественники — как на Западе (И. Г. Гердер, романтики), так и в России (князь В. Ф. Одоевский, А. И. Герцен, А. А. Григорьев)^{**}, но именно он смог выстроить первую развернутую культурно-цивилизационную концепцию. В этом автору «России и Европы» помогла его синтетическая установка, умение увидеть связь между природной и социальной сферами.

Н. Я. Данилевский выделил десять культурно-исторических типов, совершивших полный цикл развития: 1 — египетский, 2 — китайский, 3 — ассирийско-вавилонно-финикийский (халдейский или древнесемитический), 4 — индийский, 5 — иранский, 6 — еврейский, 7 — греческий, 8 — римский, 9 — арабийский (новосемитический), 10 — германо-романский (европейский). Двумя типами, не успевшими совершить полного цикла, мыслитель считал мексиканский и перуанский, ставшие жертвами испанских конкистадоров.

Опора на принципы «естественной системы», позволила Н. Я. Данилевскому пересмотреть схему всемирной истории,

^{*} Данилевский. С. 66.

^{**} Подробнее см.: Кожурин А. Я. Н. Я. Данилевский: жизнь и творчество. СПб.: Изд-во РГПУ им А. И. Герцена, 2020. С. 41–43.

ставшую общим местом для сознания XIX столетия. Принцип, заимствованный из сферы биологии, оказался вполне рабочим и в культурно-исторической сфере. В дальнейшем в рамках отечественной и западной мысли выстроится мощная культурно-цивилизационная концепция, причем некоторые из ее представителей (К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер) будут использовать сходные принципы классификации исторического материала. Также необходимо вспомнить теорию этногенеза Л. Н. Гумилева («Этногенез и биосфера Земли»).

При этом необходимо заметить, что Н. Я. Данилевский мыслит весьма тонко. Мы не найдем у него прямых аналог между биологическими и социальными объектами, чем грешили не только идеологи позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер), но и, например, В. С. Соловьев. Отсюда, кстати, вытекал имперсонализм этих авторов, абсолютно законный в случае позитивистов, но никак у В. С. Соловьева, позиционировавшего себя в качестве христианского мыслителя. Между тем, подлинной реальностью для русского представителя метафизики всеединства обладало человечество, но никак не отдельный человек. Для христианской традиции подобная установка выглядит весьма сомнительной.

В этой связи необходимо помнить возражение Л. А. Тихомирова на критику автора «России и Европы» за якобы нерелигиозный характер его философии истории: «В. Соловьев упрекал Данилевского, будто бы его национализм и учение об исторических типах противны христианскому чувству. Напротив, Данилевский, именно как глубокий христианин, не мог впасть в ошибку неизбежную для социологов не христиан или полухристиан. Он ясно чувствовал, что в жизни нашей есть от мира сего и что — не от мира сего. Для него абсолютное, вечное и свободное не исчезало в человеке при мысли о необходимости и условности его земного существования в мире, материальном и социальном, где есть раса, и национальность, и их роковое органическое развитие. А потому Данилевский и мог думать о необходимых, не свободных законах социологии и подчинении им человека, совершенно объективно, не тревожимый в своем анализе лишними вторжениями из области чисто духовной»^{*}.

Следует отметить еще один интересный момент, который позволяет определить специфику воззрений Н. Я. Данилевского и провести демаркационную линию между его установками и установками западных теоретиков. Речь идет о его критике

^{*} Тихомиров Л. А. Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л. А. Россия и Демократия. М.: Изд-во «ФондИВ», 2007. С. 74.

расизма. Проясняя исторический контекст, следует заметить, что в рамках европейской культуры второй половины XIX — первой половины XX века расовая теория занимает законное место, наряду с дарвиновской теорией эволюции и учением о классовой борьбе. Данная теория имела различные вариации и не все из них были известны Н. Я. Данилевскому. Кроме того, будучи крупным специалистом в области биологии, он не мог не понимать того, что расовые отличия глубоко укоренены в человеческой природе. Их нельзя отбросить как нечто несущественное, что делали и продолжают делать оппоненты расизма.

Тем не менее, автор «России и Европы» вступил в полемику с адептами расовой теории. В частности, он подверг резкой критике краниологическую классификацию, предложенную известным шведским натуралистом А. Ретциусом. Это была попытка выстроить антропологическую концепцию, базируясь на естественнонаучных принципах. Шведский исследователь предложил делить человеческие расы на брахицефальные (короткоголовые) и долихоцефальные (длинноголовые). В основу этого деления было положено соотношение между шириной черепа и расстоянием от лобной до затылочной его стороны. Физический размер мозга, считал А. Ретциус, соотносится с умственными способностями.

Правда, понимая недостаточность одного признака в решении столь важной проблемы, известный ученый ввел дополнительный признак — направление передних частей челюстей и передних зубов. Соответственно, получилось четыре антропологических типа, к которым А. Ретциус свел всех представителей человеческого рода — 1) длинноголовые прямочелюстные; 2) длинноголовые косочелюстные; 3) короткоголовые прямочелюстные и 4) короткоголовые косочелюстные. Славяне, в том числе и русские, в этой классификации были отнесены к третьему типу, в то время как большинство представителей западных народов к первому.

Н. Я. Данилевский показывает искусственный характер классификации А. Ретциуса. Вот какие упреки он предъявляет шведскому натуралисту: «Как согласовать это деление с делением по цвету кожи, по свойствам волос, по Камперову личному углу и, наконец, с делением лингвистическим? Здесь все подчиняется одному признаку, которому придается преобладающее значение»^{*}. Действительно, одних только физиологических факторов

^{*} Данилевский. С. 147.

в деле этнической идентификации недостаточно — в истории они не играли той решающей роли, которую им приписывали теоретики расизма. Если быть до конца последовательным, утверждал Данилевский, то северных и южных немцев надо отнести к двум различным расовым типам, ибо первые из них долихоцефалы (длинноголовые), а вторые — брахицефалы (короткоголовые).

Чисто антропометрическая классификация, таким образом, обнаруживает свою недостаточность или, во всяком случае, требует основательного переосмысления. Появляется потребность включения характеристик, выделенных А. Ретциусом, в более содержательный контекст. В этом контексте должны учитываться факторы не только физиологического характера. Здесь мы сталкиваемся с интегральным подходом, отличающим мышление автора «России и Европы», который никогда не был склонен замыкаться в рамках ползучего эмпиризма. Чуждо ему было и использование чисто физиологических принципов для объяснения феномена человека.

Особую роль, считал Н. Я. Данилевский, следует уделить языку. В этой сфере ненавистников славян из числа западных расовых теоретиков, причислявших их к тюркской или финно-угорской этнической группе, ожидает конфуз. Если славянский язык принадлежащий, несомненно, к индоевропейской семье, был заимствован его носителями, то где же следы того племени, от которого он был заимствован? Последнее должно было быть весьма многочисленным и могущественным, чтобы передать свой язык такому крупному отделу человечества. Не обнаружив этих следов, мы признаем славян творцами своего языка, а, соответственно, их принадлежность к индоевропейской семье не может быть поставлена под сомнение.

Теперь обратимся к еще одной составляющей идейного наследия Н. Я. Данилевского, отмеченной В. В. Розановым. Если рассматривать философские и естественнонаучные взгляды интересующего нас автора, то он принадлежал к линии Аристотеля, с ее ярко выраженными телеологическими установками*. Будучи выдающимся специалистом в ряде областей биологии, он занимал ярко выраженную антидарвинистскую позицию. Показательно, что мыслитель не побоялся выбрать объектом критики концепцию, которая очень быстро обрела многочисленных адептов и превратилась в одну из «священных коров» европей-

* В «России и Европе» Н. Я. Данилевский, характеризуя научные установки великого грека писал: «Аристотель — более европеец новых времен, чем древний грек» (Данилевский. С. 111).

ского сциентизма. Н. Я. Данилевский понял, что теория эволюции — не столько биологическое, сколько философское (или идеологическое) учение. Дарвинизм, по его словам, оказывается «куполом на здании механического материализма». Антителеологизм, лежавший в основании дарвиновской концепции, делает нелепость, бессмысленность, случайность единственными господами мира и природы. Оценив теоретические и практические последствия торжества эволюционной теории, русский ученый оказался в числе наиболее последовательных критиков дарвиновского эволюционизма.

Яростными пропагандистами антидарвиновской концепции выступили также Н. Н. Страхов и В. В. Розанов (см. настоящее издание. С.)^{*}. Данное обстоятельство далеко не случайно, оно неразрывно связано с теоретическими и ценностными установками этих мыслителей. Выдающийся русский историк науки, В. П. Зубов, писал: «Показательно и знаменательно, что защитники организма были одновременно антидарвинистами и антиэволюционистами. Спор Страхова по поводу “Дарвинизма” Данилевского достаточно известен. Иначе и быть не могло: органические виды, замкнутые и не переходящие друг в друга, находят свою параллель в замкнутых “культурно-исторических типах” и национальных организмах»^{**}.

Вместе с тем, указывал Н. Я. Данилевский, дарвиновская концепция не случайна, причем речь идет не только о логике развития биологии. Эволюционная концепция имеет свои глубинные корни на родине ее создателя, четко вписывается в определенный социокультурный контекст. В шестой главе «России и Европы» Н. Я. Данилевский называл Ч. Дарвина выразителем типично английского воззрения на мир, характеризующегося либерализмом и идеей конкурентной борьбы. В этом отношении воззрения великого натуралиста находят параллель в концеп-

^{*} При этом нельзя забывать, что с критикой социальной рецепции дарвинизма в России выступили не только консерваторы, но и теоретики левого толка. Социал-дарвинизм отвергали Н. Г. Чернышевский («Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», 1888), Н. К. Михайловский («Теория Дарвина и общественная наука», 1870–1873) и П. А. Кропоткин («Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», 1902). При этом они опирались на эволюционизм в истолковании Ламарка. Этот момент акцентировал Г. Флоровский (Пути русского богословия. Киев: Путь к Истине, 1991. С. 293–294).

^{**} Зубов В. П. Из истории мировой науки: Избранные труды 1921–1963. СПб.: Алетейя; Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 128.

ции государства Т. Гоббса и политэкономии А. Смита. Позднее к ним были добавлены этические установки И. Бентама и демография Т. Мальтуса*.

Здесь перед нами весьма тонкое применение историко-культурной методики к пониманию специфики развития научного знания. Причем намного опережающее основные тенденции своей эпохи. Например, исследование социокультурных оснований научного знания окажется в центре внимания западной философией науки лишь сто лет спустя — в эпоху постпозитивизма. Если же брать политическую теорию, то в работе «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938) К. Шмитт развернет обоснованную трактовку учения английского политического теоретика в качестве либерального, но подобное прочтение уже было намечено нашим соотечественником.

В полемике с теорией эволюции Н. Я. Данилевский использует и своеобразный эстетико-телеологический аргумент — если бы дарвиновская теория была бы верна, то современный мир выглядел бы иначе. То был бы нелепый и бессмысленный мир, в котором все процессы подчинялись случайностям: семена одного и того же растения могли иметь то одну, то две семядоли; животные появлялись на свет то с брюшным, то со спинным расположением нервной системы. При этом Данилевский указывает, что из всех мировоззрений «Дарвинов взгляд на природу есть наименее эстетический»**. Этот аргумент очень важен для автора «Дарвинизма», который, в духе традиций Аристотеля и К. фон Бэра, придерживался телеологического принципа в понимании природы.

Рассмотрев теоретические установки Н. Я. Данилевского при анализе природной и культурно-исторической реальности, мы можем позволить себе сделать некоторые выводы. В отличие от большинства западных гуманитариев, он не проводил непроходимой границы между этими сферами, а пытался найти их точки соприкосновения, если таковые возможны. В этом отношении автор «России и Европы» следовал в русле базовых установок отечественной философской традиции, которые еще

* Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: Изд-во ФИВ, 2015. С. 865. Как известно, сам Дарвин признавал решающее влияние на оформление его теории учения Мальтуса (Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 128–129).

** Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: Изд-во ФИВ, 2015. С. 907.

А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров обозначали как «органицизм»^{*}.

В то же время Н. Я. Данилевскому были чужды редукционистские установки позитивизма и вульгарного материализма, хотя некоторые исследователи и пытались приписать ему позитивистские установки. В частности, для него были неприемлемы попытки дать чисто биологическое объяснения феномена человека и его культуры (полемика с первыми теоретиками расизма). Теоретический синтез, осуществлявшийся русским мыслителем, требовал четкого понимания в каких аспектах природное и социальное неразрывно связаны, а когда подобные связи не наблюдаются. В целом его идейные установки могут быть включены в традицию натуральной теологии^{**}.

Обратимся к истории восприятия идей Н. Я. Данилевского. Хотя они вызвали неподдельный интерес у двух титанов русской культуры, Ф. М. Достоевского и Ф. И. Тютчева, следует заметить, что при жизни мыслителю не пришлось увидеть сколько-нибудь внятного анализа этих идей. Единственное исключение представляли статьи его друга и единомышленника — Н. Н. Страхова. Хотя и тот написал наиболее содержательные работы, посвященные творчеству Н. Я. Данилевского уже после его смерти. К этому мы еще вернемся.

Если же брать других рецензии, то об одной из них, написанной П. К. Щебальским, весьма остроумно выразился К. Н. Леонтьев — «пустейший отзыв»^{***}. При чем отзыв этот был помещен в консервативном «Русском вестнике», что уж говорить о леволиберальном спектре отечественной журналистики. Для него была характерна легковесность в решении фундаментальных философских проблем. В этом отношении показательна статья Н. К. Михайловского — признанного вождя легальных народников, которую мы воспроизводим в данной антологии (С.).

Содержательные отклики на творчества автора «России и Европы» и «Дарвинизма» появились только после его смерти. Более того, две самых на наш взгляд, интересных полемики в истории

^{*} Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX–XIX вв. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.

^{**} Характеризуя данную традицию, Н. К. Гаврюшин писал: «Ее основная задача заключалась в согласовании интенсивно умножавшихся открытий экспериментального естествознания с христианской метафизикой и богословием» (Гаврюшин Н. К. Этюды о разумной вере. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 277).

^{***} Настоящее издание. С. XXX.

русской философии и науки были связаны как раз с идейным наследием Н. Я. Данилевского. Речь идет о полемике вокруг «России и Европы», которую вели В. С. Соловьев и Н. Н. Страхов, а также вокруг «Дарвинизма», ведущуюся последним с К. А. Тимирязевым. По мере разворачивания этих споров к ним присоединились русские гуманитарии и естественники первого плана. Но обо всем по порядку.

Полемiku вокруг «России и Европы» начал В. С. Соловьев, опубликовавший в 1888 году статью под одноименным названием. Ее публикации переписка автора с Н. Н. Страховым, которая никак не предвещала той ожесточенной полемики, которая последует между двумя философами на протяжении ряда лет. Показательно, что в этой статье В. С. Соловьев попутно задевал и «Дарвинизм», обвиняя Н. Я. Данилевского в том, что он не предложил «русской самостоятельной теории происхождения видов, взамен отвергаемой английской»*. В дальнейшем В. С. Соловьев опубликовал следующие статьи, направленные против теории Н. Я. Данилевского: «О грехах и болезнях» (1889), «Мнимая борьба с Западом», «Счастливые мысли Н. Н. Страхова», «Немецкий подлинник и русский список» (все — 1890). За исключением «Мнимой борьбы с Западом», увидевшей свет в «Русской мысли», данные статьи были напечатаны на страницах «Вестника Европы», с чьей редакцией В. С. Соловьев стал сближаться с конца 1886 года. Любопытно, что до этого сближения известный философ мог вполне благожелательно приводить выдержки из «России и Европы» на страницах консервативных изданий. Видимо, платой за возможность публиковаться на страницах либерального «Вестника Европы» был резкий разрыв с национально ориентированной линией русской мысли.

Н. Н. Страхов не мог удержаться и пламенно выступил в защиту идей своего умершего друга. Он ответил серией статей: «Наша культура и всемирное единство» (1888), «Последний ответ г. Соловьеву» (1889), «Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского» (1890) и, наконец, «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» (1894), которая завершала полемику. Все эти статьи, за исключением «Новой выходки против книги Н. Я. Данилевского», увидевшей свет в газете «Новое время», были напечатаны в «Русском вестнике».

* Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 388 (Далее — Соловьев с указанием тома и страниц). Сам В. С. Соловьев, как известно, принимал эволюционизм в теологически окрашенной версии.

В глазах современников победа, несомненно, досталась В. С. Соловьеву. Из нашего времени ситуация выглядит иначе. Видно, что в споре с Н. Н. Страховым его оппонент использовал все изощренные приемы эристики, столь блистательно описанные А. Шопенгауэром*. Особенно ярко это проявилось в спорах о «заимствовании» базовых принципов теории культурно-исторических типов у немецкого историка Г. Рюккерта. Воспользовавшись оговоркой Н. Н. Страхова, В. С. Соловьев обвинил автора «России и Европы» в плагиате. Чудеса казуистики здесь достигают своеобразного пика. В статье «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» Н. Н. Страхов показал несостоятельность подобных обвинений. Уже в середине XX века его правоту полностью подтвердил Р. Мак-Мастер, опубликовавший статью «Вопрос о влиянии Г. Рюккерта на Данилевского»**.

В спорах вокруг философско-исторической Н. Я. Данилевского приняло еще несколько видных интеллектуалов. Сторонниками этих идей выступили К. Н. Бестужев-Рюмин («Теория культурно-исторических типов», 1888) и К. Н. Леонтьев («Владимир Соловьев против Данилевского», 1888)***. Позднее к их кругу присоединился В. В. Розанов («Поздние фазы славянофильства, Н. Я. Данилевский», 1895). Оппонентом Н. Я. Данилевского стал Н. И. Кареев («Теория культурно-исторических типов», 1889), поддержавший своего товарища по гимназии. Свою долю желчи выплеснул на автора «России и Европы» П. Н. Милуков («Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев», 1893). Будущий вождь кадетов, впрочем, не пощадил и В. С. Соловьева, чьи идеи им были отнесены к продуктам «разложения» славянофильства. В свою очередь. В. С. Соло-

* См.: Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах; Мысли. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 27–66.

** Mac-Master R. E. *The Question of Heinrich Ruckert's influence on Danilevsky* // *American Slavic and East European Review*. 1955. № 2. P. 59–66. См. также: Фатеев В. А. Беседа 6. Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев: к истории полемики // Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / С. М. Климова, Е. А. Антонов, Н. П. Ильин и др. СПб.: Алетейя, 2010. С. 153–173.

*** Важными дополнениями, которые в этой статье К. Н. Леонтьев сделал к теории Н. Я. Данилевского, стало выделение Византии в отдельный культурно-исторический тип, а также признание религии в качестве третьего основания германо-романской культуры. Автор «России и Европы», как известно, считал последнюю «двуосновой» (Данилевский. С. 407).

вьев отказал своему критику-позитивисту в праве выстраивать генеалогии в сфере духа*.

Другая полемика развернулась вокруг «Дарвинизма». Ее застрельщиком оказался Н. Н. Страхов, стремившийся привлечь к наследию Н. Я. Данилевского внимание публики. В 1887 году он напечатал в «Русском вестнике» статью «Полное опровержение дарвинизма», в которой разобрал основные аспекты второй книги Н. Я. Данилевского. Как он признавался позднее, его целью было спровоцировать апологетов теории эволюции, а тем самым привлечь внимание к идеям недавно умершего друга. Своего он добился — с публично речью против книги Н. Я. Данилевского выступил К. А. Тимирязев, главный проводник дарвинизма на русской почве. Эта речь увидела свет на страницах «Русской мысли» Н. Н. Страхову пришлось отвечать. Он опубликовал в «Русском вестнике» статью «Всегдашняя ошибка дарвинистов». Заметим, что все это происходило на протяжении 1887 года.

Оставим читателю возможность насладиться этой полемикой, а от себя заметим, что и данная полемика вовлекла в себя такие выдающиеся фигуры, как В. В. Розанов и А. С. Фаминцын. Первый из них откликнулся на полемику статей «Вопрос о происхождении организмов», увидевшей свет на страницах «Русского вестника» и «Журнала министерства народного просвещения» (здесь под названием «Органический процесс и механическая причинность» была опубликована вторая часть этой работы). А. С. Фаминцын выступил на страницах «Вестника Европы» со статьей «Н. Я. Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским?». В ней маститый ученый выступил с умеренной критикой идейного наследия Н. Я. Данилевского, даже признавая некоторые его аргументы и заслуги перед отечественной наукой. Обе статьи увидели свет в 1889 году.

Уже в XX столетии к естественнонаучным идеям Н. Я. Данилевского неоднократно обращались видные отечественные биологи. Речь идет как о генетиках, которые находились в сложных отношениях с дарвинизмом, так и об альтернативных версиях эволюционной теории. Здесь, в первую очередь, следует назвать Л. С. Берга — автора «Номогенеза, или эволюции на основе закономерностей» (1922). Кроме того, интерес к наследию автора «Дарвинизма» проявили Ю. А. Филипченко («Эволюционная идея в биологии: исторический обзор эволюционных учений

* См. статью В. С. Соловьева «Замечания на лекцию П. Н. Милюкова» (Соловьев. Т. 2. С. 492–496).

ХІХ века», 1923) и А. А. Любищев («Понятие эволюции и кризис эволюционизма», 1925). Уже в последней трети века к идеям Н. Я. Данилевского обращались С. В. Мейен и В. И. Назаров, развивавшие антидарвинистские концепции эволюции. Не обошли стороной биологическое наследие Н. Я. Данилевского и последователи дарвинизма — достаточно вспомнить работы К. М. Завадского и Н. Н. Воронцова, которые мы помещаем в данной антологии.

Если обратиться к философии «Серебряного века», то интерес к идейному наследию Н. Я. Данилевского сходит в ней на нет. Достаточно обратиться к библиографии, помещенной в данном издании, чтобы в этом убедиться. Преемники В. С. Соловьева по сути дела завершают дело своего кумира. Но завершают его не развенчанием неугодного автора, а наиболее эффективным способом — замалчиванием (русский вариант «культуры отмены»). То же относится и к единомышленнику и популяризатору идей автора «России и Европы» — Н. Н. Страхову. Используя название книги В. В. Розанова, единственного, кто продолжал привлекать внимание к идеям этих авторов, они становятся «литературными изгнанниками». Единственным представителем позднего славянофильства, который оказывается в горизонте восприятия русских философов первой половины XX века — К. Н. Леонтьев. Уже в эмиграции тему в статье «Евразийский соблазн» (1928) обыгрывает Г. В. Флоровский: «скучноватый Данилевский» vs «блестящий Леонтьев»*.

Любопытно, что даже сенсационный успех «Заката Европы» О. Шпенглера не привлек внимания русских философов к наследию Н. Я. Данилевского**. Они его как игнорировали, так и продолжили игнорировать. Единственным исключением из правила стала глава из книги В. В. Зеньковского «Русские мыслители и Европа» (1926). Текст первоначально предназначался для сербского читателя, а потому позволял обходить табу, наложенное на идейное наследие Н. Я. Данилевского. Правда, в «Истории русской философии» (Т. 1–2, 1948–1950) В. В. Зеньковский «исправил» свою ошибку — в ней нет главы,

* Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 329–330. Для представителя «Серебряного века» обвинение в скуке — это, конечно, убийственный аргумент.

** Как известно, сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы» (1922) стал поводом для изгнания оппозиционно настроенных интеллектуалов, которыми воспользовались советские руководители (акция «Философский пароход»).

посвященной Н. Я. Данилевскому. «Истории русской философии», написанные Б. В. Яковенко (1938) и Н. О. Лосским (1951), не представляют в этом аспекте значительного интереса, кроме демонстрации предубеждения против одного из самых оригинальных русских мыслителей. В них, в частности, повторяются давно опровергнутые обвинения в плагиате базовых положений концепции культурно-исторических типов у Ф. Рюккерта. Ничего нового не добавляют к интерпретации идей Н. Я. Данилевского и «Очерки по истории русской философии» (1968) С. А. Левицкого. Тем не менее, как показательные для определенной традиции тексты, мы включили их в данную антологию.

Особого разговора заслуживает отношение к концепции Н. Я. Данилевского евразийцев. Для любого непредубежденного читателя преемственность между ними очевидна. Тем не менее, пролистывая работы князя Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского или Л. П. Карсавина, мы не встретим там имени автора «России и Европы». Например, в «Философии истории» (1923) Л. П. Карсавина мы находим имя сверхпопулярного в эти годы О. Шпенглера, но никак не Н. Я. Данилевского. Исключением из правила стали сочинения П. Н. Савицкого — главного, на наш взгляд выразителя евразийского учения. Он не боялся ссылаться на предшественников евразийства в русской мысли предыдущих периодов. К таковым он относил К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского и, конечно, Н. Я. Данилевского. Например, вводя важнейшее для евразийской теории понятие «месторазвития», он в статье «Географический обзор России-Евразии» (1926) сопоставляет его с понятием «культурно-исторический тип» Н. Я. Данилевского*.

Еще одной важной фигурой, привлекавшей внимание к учению Н. Я. Данилевского, был выдающийся русско-американский социолог и культуролог П. А. Сорокин. Его случай интересен тем, что он постоянно привлекал внимание западного читателя к классикам русской философской и социологической мысли. Одним из самых показательных авторов этого ряда, по мнению П. А. Сорокина, был Н. Я. Данилевский. В антологии мы приводим характерную работу П. А. Сорокина, в которой он дает весьма комплиментарную характеристику концепции автора «России и Европы», показывает ее актуальность в контексте исторических событий XX столетия.

* Настоящее издание. С. XXX.

Любопытно, что западные исследователи обращаются к работам Н. Я. Данилевского после Второй мировой войны, когда в Восточной Европе начала складываться социалистическая система. Нетрудно было заметить в новой конфигурации определенную близость к тому культурно-историческому типу, который в «России и Европе» был обозначен как Славянский. В данном случае мы говорим не о содержательной стороне, но о формальной. Еще точнее — о геополитике, одним из творцов которой на русской почве, наряду с Р. А. Фадеевым и В. И. Ламанским, был Н. Я. Данилевский. В этой связи показательна работа Р. Мак-Мастера «Данилевский, Русский тоталитарный философ» (1967) — по сути дела единственная монография о нашем мыслителе, вышедшая за рубежом*.

Теперь перенесемся в СССР. Интерес к творчеству Н. Я. Данилевского пробуждается к концу 1960-х годов. Первой ласточкой здесь стала глава в 3-м томе «Истории философии в СССР» («Неославянофильство»), написанная М. Н. Пеуновой. Этот том увидел свет в 1968 году. В главе, написанной М. Н. Пеуновой, идеи Н. Я. Данилевского рассматриваются в контексте комплекса идей, который разрабатывали его соратники по лагерю позднего славянофильства — А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов и К. Н. Леонтьев. Далеко не во всем эти авторы были согласны, но наличие общей линии, противостоящей революционно-демократическому и либеральному лагерям, для автора интересующего нас текста несомненно.

В 1970-е выходят статьи В. А. Грубина, Н. В. Мордовского, Г. П. Мягкова, К. В. Султанова. К. В. Султанов (1975) и А. Н. Филатов (1979) защищают кандидатские диссертации по философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского. Определенное оживление интереса к идеям автора «Дарвинизма» наблюдается и в естественнонаучной среде. О его биологической

* Здесь мы имеем дело с установкой на замалчивание русских мыслителей, предвосхитивших фундаментальные концепции. Культурно-цивилизационная тенденция, несомненно, к ним принадлежит. В этой связи показателен список авторов, повлиявших на его концепцию, который приводит последний классик культурно-цивилизационного подхода — С. Хантингтон. Среди них позиционируются О. Шпенглер и А. Тойнби, но Н. Я. Данилевского в списке, разумеется, нет. См. также: «Данилевского плохо знают на Западе» (интервью С. Вудберна С. Н. Нетесовой) <https://politconservatism.ru/experiences/danilevskogo-plokho-znayut-na-zapade?ysclid=ludulblw74226204728> (дата обращения — 30.03.2024). Стефен Вудберн — автор первого полного перевода «России и Европы» на английский язык.

концепции пишут К. М. Завадский и М. Т. Ермоленко, в частной переписке о перекличках с его критикой теории Дарвина говорят А. А. Любичев и С. В. Мейен, переиздаются труды Л. С. Берга, который также весьма положительно относился к идеям Н. Я. Данилевского. Но самую значительную работу, посвященную Н. Я. Данилевского, напишет И. А. Голосенко («Социальная философия неославянофильства: Н. Я. Данилевский»). Она была опубликована в сборнике «Социологическая мысль в России», изданной под редакцией Б. А. Чагина в 1978 году. В ней не только объективно излагаются идеи автора «России и Европы», но и подчеркиваются преимущества его подхода в сравнении с другими классиками культурно-цивилизационной теории (О. Шпенглером, А. Тойнби).

1980-е годы приносят, наконец, первую монографию на русском языке о Н. Я. Данилевском. Речь идет о книге А. А. Захарова «Россия в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского», увидевшую свет в 1986 году. Ее автор в следующем году защитит в Томском университете кандидатскую диссертацию «Циклические теории всемирно-исторического процесса в русской исторической литературе XIX века». В 1989 С. И. Бажов представил в Институте философии кандидатскую диссертацию «Культура и цивилизация в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского (критический анализ)». В этом же году выйдет второе издание «Русской философия IX–XIX вв.» А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова, в которой, наконец, будет материал, посвященный Н. Я. Данилевскому*. Статьи о концепции автора «России и Европы» на протяжении этого десятилетия опубликуют Л. Р. Авдеева, С. И. Бажов, А. А. Захаров, Ю. С. Пивоваров, В. Ф. Пустарнаков, В. В. Сербиненко, Э. В. Соколов.

Наконец в 1991 году выходит сам текст «России и Европы», подготовленный С. А. Вайгачевым. Конечно, это было неполное издание. По каким-то причинам из публикуемого текста были изъяты главы, в которых автор излагал методологические принципы. Но все же «Россия и Европа» дошла до широкого читате-

* Заметим, что предлагавшийся в первом издании этой работы материал об интересующем нас авторе, в 1970 году был редакцией отвергнут. В 1993 году выйдет сборник «Российская социология», куда войдет статья А. А. Галактионова «Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского» (см. настоящее изд.), а через два года под его редакцией увидит свет первое в XX столетии полное издание «России и Европы».

ля (тираж составлял 90 тысяч экземпляров — фантастическая по нашим временам цифра). Бонусом к этому изданию стали статьи Н. Н. Страхова, посвященные книге Н. Я. Данилевского. Блокада, организованная еще последователями В. С. Соловьева, была прорвана. Теперь каждый читатель мог сам создавать мнение об идеях Н. Я. Данилевского.

В постсоветский период начинается настоящий вал публикаций о Н. Я. Данилевском. Защищаются десятки диссертаций по философии, истории, политологии, педагогике и даже богословию (см. «Библиографию»). Их авторы обращались к различным аспектам творчества великого мыслителя. Отметим работы, вышедшие за данный период. Среди них есть книги, посвященные анализу философско-исторической и социально-философской концепции Н. Я. Данилевского. Уже в 1992 году увидела свет работа Л. Р. Авдеевой «Русские мыслители. А. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в.» (1992). В дальнейшем были изданы монографии В. М. Михеева «Славянский Нострадамус» (Ч. 1–2, 1993), А. Н. Аринина и В. М. Михеева «Самобытные идеи Н. Я. Данилевского» (1996), С. И. Бажова «Философия истории Н. Я. Данилевского» (1997), К. В. Султанова «Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций» (2001), А. Н. Птицына «Концепция “Славянской цивилизации” Н. Я. Данилевского» (2003), А. И. Баринова «Социально-философские идеи Н. Я. Данилевского» (2008), А. Я. Кожурина «Н. Я. Данилевский: жизнь и творчество» (2020). Кроме того, все эти авторы написали множество статей, посвященных творчеству Н. Я. Данилевского.

Еще один важный аспект наследия мыслителя, привлекающий исследователей — тема России в его философско-исторической концепции. Назовем в этой связи монографию А. Э. Маякунова «Национально-государственные проблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского» (1994). Особо следует упомянуть книгу Б. П. Балугева «Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”» (1999). Отметим также фундаментальное исследование М. А. Емельянова-Лукиянчикова «Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. А. Шпенглера, А. Дж. Тойнби» (2008). В нем творчество интересующего нас автора анализируется в контексте воззрений классиков культурно-цивилизационной теории, выявляются принципиальные данного подхода и линейно-прогрессистских концепция исторического

процесса. Особо рассматриваются воззрения Н. Я. Данилевского и вышеперечисленных авторов на Россию, специфику ее исторического пути и культуры. Идеи Н. Я. Данилевского в контексте идейных споров и оценки их русскими мыслителями стали предметом анализа в монографиях А. В. Белова «Теория культурно-исторических типов: *pro et contra*» (2002) и А. В. Ефремова «Борьба за историю: концепция Н. Я. Данилевского в оценке современников» (2006).

Не прошла мимо взора исследователей и роль Н. Я. Данилевского в разработке национальной идеологии. В этой связи можно назвать работу А. И. Кондратенко «У истоков национальной идеи: Ф. В. Ростопчин, Н. Я. Данилевский и их время (историко-политологический анализ)», которая увидела свет в 2002 году. Здесь мы видим попытку связать творчество крупнейших русских консервативных мыслителей XIX столетия. Необходимо также помнить, что Ф. В. Ростопчин и Н. Я. Данилевский были современниками и участниками двух грандиозных столкновений России и Запада — войн с Наполеоном и Крымской войны. Следует упомянуть книгу А. Н. Птицына «Концепция “Славянской цивилизации” Н. Я. Данилевского» (2003), а также монографию А. В. Хорошевой «“Удел России — удел счастливый...”»: историософия Н. Я. Данилевского» (2015).

Н. Я. Данилевский рассматривается в числе выразителей подлинной русской философии. Речь идет о концепции Н. П. Ильина, изложенной в его книге «Трагедия русской философии» (2008). В ее рамках интересующий нас мыслитель понимается как один из выразителей основных интуиций отечественной философии, наряду с Н. Н. Страховым, В. И. Несмеловым и др. Н. Я. Данилевского также объявляют основоположником русской историософии («Н. Я. Данилевский — основоположник русской историософии» Б. Г. Дверницкого, 2019), исследуется актуальность его концепции культурно-исторических типов («Актуальна ли теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского?» А. Д. Степанова, 2019).

Необычайная актуальность идей Н. Я. Данилевского в контексте философско-образовательной проблематики также оказалась в центре внимания современных исследователей. В этой связи заслуживает особого внимания монография С. В. Полатайко «Образовательные идеалы социальной философии» (2007). В ней автор, известный специалист по творчеству мыслителя (кандидатская диссертация «Пространственно-временные основания теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевско-

го»), выстраивает оригинальную философско-образовательную концепцию, базирующуюся на идеях создателя «России и Европы».

Нельзя не упомянуть интерес к социологии науки Н. Я. Данилевского, который мы обнаруживаем у современных исследователей (В. Н. Катасонов, К. В. Султанов). Последние обращаются к компаративистским аспектам, рассматривая идеи автора «России и Европы» в контексте европейской философии науки (А. Я. Кожурин). Исследователи также обращают внимание на связи установок Н. Я. Данилевского с теоретическими построениями его великих предшественников и современников — Ж. Кювье, К. фон Бэра, А. Виганда (В. Н. Назаров, Л. С. Клейн).

Пробуждается интерес и к критике дарвинизма, предпринятой Н. Я. Данилевским. Сравнительно недавно, в 2015 году, было переиздано его фундаментальное исследование «Дарвинизм. Критическое исследование». Появился целый ряд работ по данной проблематике (А. В. Ефремов, А. А. Поздняков, И. В. Снетова, Н. В. Шадрин), а также об идейных спорах вокруг дарвиновской теории в России, в которых принимал участие Н. Я. Данилевский (А. В. Буренков, О. С. Кругликова), хотя данный аспект его идейного наследия, как нам представляется, заслуживает большего внимания.

Таким образом, идеи Н. Я. Данилевского оказываются необычайно актуальными, созвучными концепции выстраивания многополярного мира. Именно сегодня, когда наша страна с оружием в руках отстаивает свой суверенитет, а вместе с ним и право других народов определять свою судьбу, концепция основоположника культурно-цивилизационного подхода выступает в качестве идейной основы этой борьбы. Причем речь идет о различных аспектах его теоретического наследия — от философии истории до философии образования и социологии науки. Как нам представляется, интерес к творчеству автора «России и Европы» и «Дарвинизма» будет расти и дальше.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издателя</i>	5
<i>А. Я. Кожурин</i> Синтез Н. Я. Данилевского	7

I

Русская религиозная философия о националистическом идолопоклонстве и русской идее

<i>В. С. Соловьев</i> Немецкий подлинник и русский список	38
<i>Н. Н. Страхов</i> Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского	68
<i>Н. А. Бердяев</i> Русская идея <фрагмент>	95
<i>Н. И. Кареев</i> Теория культурно-исторических типов	98
<i>В. В. Зеньковский</i> Русские мыслители и Европа (критика европейской культуры у русских мыслителей) <фрагмент >	137

II

Позднее славнофильство и почвенничество о перспективах развития русской и славянской цивилизации

<i>Ф. М. Достоевский</i> Письмо Н. Н. Страхову	145
<i>Ф. И. Тютчев</i> Письмо В. И. Ламанскому	147
<i>Н. К. Михайловский</i> Россия и Европа	148

<i>К. Н. Бестужев-Рюмин</i>	
Теория культурно-исторических типов.....	181
<i>К.Н. Леонтьев</i>	
Владимир Соловьев против Данилевского	230
<i>П. Н. Милюков</i>	
Разложение славянофильства	
<фрагмент>	315
<i>В. В. Розанов</i>	
Поздние фазы славянофильства. Н. Я. Данилевский	326

III

Раннее евразийство о российской идентичности

<i>П. Н. Савицкий</i>	
Географический обзор России-Евразии	
<фрагмент>	336
<i>Л. П. Карсавин</i>	
Восток, Запад и русская идея	340
<i>Н. С. Трубецкой</i>	
Европа и человечество.....	350

IV

Православие, наука и русская философская мысль

<i>Г. В. Флоровский</i>	
Вечное и преходящее	
в учении русских славянофилов	
<фрагмент>	362
<i>П. А. Сорокин</i>	
Макросоциологическая теория цивилизации Н. Я. Данилевского (1822–1885).....	366
<i>О. Ф. Миллер</i>	
Славянство и Европа.....	375

V

Современный консерватизм и либерализм о полицентричном мире

<i>И. Р. Шафаревич</i>	
Духовные основы российского кризиса XX века	389
<i>А. Г. Дугин</i>	
Основы геополитики	398

<i>В. В. Аверьянов</i>	
Россия и человечество	403
<i>Е. С. Холмогоров</i>	
В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский	412
<i>М. А. Маслин</i>	
Н.Я. Данилевский о будущем российской цивилизации	421
<i>Ю. С. Пивоваров</i>	
Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке	431
<i>А. С. Панарин</i>	
«Вторая Европа» или «Третий Рим»	440

VI

Современные интерпретации концепции локальных цивилизаций

<i>М. Н. Пеунова</i>	
Неославянофильство.....	449
<i>И. А. Голосенко</i>	
Социальная философия неославянофильства.....	469
<i>А. А. Галактионов</i>	
Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского.....	489
<i>Б. П. Балуев</i>	
Судьба Н. Я. Данилевского (школа жизни, идей и общений) <фрагмент>	505
<i>С. В. Полатайко</i>	
Образовательные начала «общественного организма» в социальной философии Н. Я. Данилевского	510
<i>Б. Г. Дверницкий</i>	
Н. Я. Данилевский — основоположник русской историософии ..	519

VII

«Дарвинизм»

<i>К. А. Тимирязев</i>	
Опровергнут ли дарвинизм?	531
<i>Н. Н. Страхов</i>	
Всегдашняя ошибка дарвинистов (По поводу статьи проф. Тимирязева: «Опровергнут ли дарвинизм?»).....	587

<i>А. С. Фаминцын</i> Н. Я. Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли Дарвинизм Данилевским?	650
<i>В. В. Розанов</i> Вопрос о происхождении организмов.....	678
<i>Л. С. Берг</i> Номогенез, или эволюция на основе закономерностей <фрагмент>	704
<i>Ю. А. Филипченко</i> Эволюционная идея в биологии: Исторический обзор эволюционных учений XIX века <фрагмент>	705
<i>А. А. Любищев</i> Понятие эволюции и кризис эволюционизма <фрагмент>	708
<i>А. А. Максимов</i> Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании <фрагмент>	710
<i>С. В. Мейег</i> Из письма Ю. А. Урманцеву	712
<i>К. М. Завадский, М. Т. Ермоленко</i> Телеологические концепции эволюции <фрагмент>	713
<i>К. М. Завадский</i> <Н.Я. Данилевский>	714
<i>Н. Н. Воронцов</i> <Н.Я. Данилевский>	716
<i>В. И. Назаров</i> <Н. Я. Данилевский>	719
<i>К. В. Султанов</i> Наука как культурно-исторический феномен (концепция Н. Я. Данилевского)	727
<i>Л. С. Клейн</i> Отец эмбриологии и смена цивилизаций	735
<i>А. Я. Кожурин</i> Концепция науки Н. Я. Данилевского	739

ЗАКЛЮЧЕНИЕ*И. И. Докучаев*

Актуальность концепции культурно-истоорических типов в современной России	748
---	-----

КОММЕНТАРИИ	769
-------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	924
----------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ.....	939
-------------------	-----

Научное издание

**Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ
PRO ET CONTRA**

Антология

Составители:

*Илья Игоревич Докучаев,
Антон Яковлевич Кожурин*

*Директор издательства А. А. Галат
Корректор О. В. Смушко
Оператор верстки В. А. Смолянинов
Дизайнер обложки О. Д. Курта*

Подписано в печать 25.11.2024. Формат 60 × 90 1/16
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 72,25. Тираж 340 экз.
Зак. № 36224

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-65-95
E-mail: books@rhga.ru, irhga@mail.ru;
<http://irhga.ru>

Отпечатано: ИП Варваркин А. И.
199155 Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, д. 17